

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕВЕТИ

ДЕБАЛКАНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ НА УРОВНЕ ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ (на материале болгарских переселенческих говоров)

Валентина Колесник

Говоря о дебалканизации, мы, разумеется, признаем существование процесса балканизации — изменения болгарского языка на Балканах под влиянием балканской языковой среды.

Длительное функционирование болгарского языка в балканском языковом окружении изменило, «балканизировало» его грамматический строй и отчасти лексический, в результате чего болгарский язык «принадлежит, с одной стороны, к славянской семье (вместе с сербским, хорватским, польским, украинским, русским и др.), а с другой стороны — к балканскому языковому союзу (вместе с новогреческим, албанским и румынским)» [11: 30], т.е. оказывается членом языковой семьи — по отношению к славянским языкам, и одновременно с этим членом языкового союза — балканского.

Среди других балканских языков место болгарского языка также является особенным. Занимая центральное географическое положение, болгарский язык находился в прямом контакте с каждым из балканских языков и был посредником их взаимовлияния. Полнота и последовательность, с которой представлены балканизмы в болгарском языке, позволила охарактеризовать его как «эталон балканского языкового союза», «инвариант балканского языкового типа» [1: 13], уравновешенность болгарских вариантов балканизмов определяется как синтез особенностей всех балканских языков, обобщающим их дифференциальные признаки. Действительно, нет ничего в общей характеристике балканского языкового союза (БЯС), что не было бы представлено в системе болгарского языка. Таким образом, он является эталоном балканского языкового союза среди балканских языков и «классическим и экзотическим» [4: 21] среди славянских.

Причины создавшейся языковой ситуации на Балканах, которая способствовала трансформации синтетических славянских форм в аналитичес-

кие, в современном балканском языкознании объясняются в основном языковыми контактами. Возникновение балканского языкового союза обусловлено языковой интерференцией, «различными формами билингвизма, восходящими к субстрату, адстрату и суперстрату» [2: 401]. Языковой союз рассматривается как «остановившееся на полпути движение языков к интеграции» (2: 401). Истоки этого объединения уходят в глубину веков. Весьма вероятно, что уже в ранний античный период под влиянием греческого и латыни сложился языковой союз, в состав которого входили фракийский, дакский, фригийский, македонский и иллирийский языки, причем первые три образовали ядро этого союза. На этот полуэллинизированный, полулатинизированный этнический пласт позднее добавились славянские, протоболгарские, а затем турецкие наслоения. С этого момента начинается активное взаимопроникновение балканских языков, которое особенно усилилось во времена Оттоманской империи. Двумя-тремя языками владели почти все [2: 409].

Именно в результате языковых контактов и возникли в болгарском языке инновации, названные позже балканизмами. Под балканизмом понимают «все возможные реорганизации грамматической структуры, вызванные качественными и количественными изменениями в условиях балканской языковой среды», при этом берутся во внимание не только чисто балканские языковые модели, но и различные реорганизации исконно славянского материала в условиях балканской языковой среды [6: 132].

Языковая картина мира, в данном случае балканского, отражает национальную картину мира и может быть выявлена в единицах разных уровней: в лексике, грамматике, тексте. По мнению А. Минчевой, возникновение основных балканизмов осуществляется прежде всего на синтаксическом уровне путем калькирования синтаксических моделей одного балканского языка другим, которые впоследствии морфонологизировались [7: 111]. Основной балканистический инвентарь в области фонетики, словообразования и морфосинтаксиса уже известен [2; 1]. В настоящее время в балканистических исследованиях в центр внимания поставлен морфосинтаксис, поскольку именно в нем наиболее выражена системная обусловленность характерных особенностей БЯС. К грамматическим балканизмам традиционно относят: наличие постпозитивного артикля, (характерного для румынского, албанского, болгарского, македонского языков); аналитические способы образования форм компаратива и суперлатива (в болгарском, македонском, румынском, албанском и новогреческом языках); удвоенное дополнение (в болгарском, македонском, албанском, новогреческом языках и сербских диалектах), угасание инфинитива, его замена *da*-конструкциями и некоторые другие. В последнее время к грамматическим балканизмам относят также адмиратив и пересказ.

Кроме фиксации чисто языковых явлений, исследования последних лет позволяют говорить о балканских языках, как о коде особого рода. Язык

рассматривается как важнейшая строительная часть концепта *homo balkanicus*. На Балканах при потере всего — независимости, территории, дома и имущества — «сохранение языка воспринимается как сохранение **главной** собственности, отождествляемой с **жизнью**» [13: 98] Для того, чтобы удержаться, укорениться на своем месте и не быть унесенным потоком *инога*, *homo balkanicus* должен был выработать особое ощущение понятия своего *я* и прежде всего своего языка, который становится почти осязаемой субстанцией, материальным воплощением национальной сущности, той непреходящей и абсолютной собственностью, которое и есть осуществление и самое сильное выражение своего *я* [13: 97].

Переселенческие балканские говоры, в том числе и болгарские говоры Юга Украины — неотъемлемая часть болгарского языкового континуума, несомненно должны привлекаться при анализе различного типа балканизмов, наибольшее количество которых сохраняется в местах компактного проживания. Исконный пласт этих говоров характеризуется наибольшей стабильностью примарных балканизмов [5: 192]. Однако во всех говорах необратимо происходит процесс дебалканизации — утраты примарных и секундарных балканизмов, который усилился в 50-60-е гг. с появлением поколения с новым языковым мышлением. Этот процесс активнее проходит в местах дисперсного расселения.

В отрыве от метрополии переселенческие говоры в условиях несбалансированной языковой ситуации, в небалканской языковой среде развиваются «по новым правилам» и утрачивают многие так называемые балканизмы. О дебалканизации свидетельствует противоположная направленность тенденций в современном болгарском языке и в исследуемых говорах. Так, в современном литературном болгарском языке наблюдается усиление частотности и употребительности артикля [12]. Эта же тенденция была свойственна и исследуемым переселенческим говорам. Однако в настоящее время в речи младшего поколения усиление частотности употребления артикля не обнаружено. Отклонения от нормы его употребления свидетельствуют о его семантической опустошенности, артикль обрастает новыми модальными оттенками. Индекс его нестабильности, по нашим подсчетам, составляет в среднем 17% [5].

Исследование дебалканизационных процессов в болгарских переселенческих говорах ясно показывает, какие участки болгарского языка являются неустойчивыми при языковых контактах.

Отдельные участки языковой (в данном случае — диалектной) системы ослабевают в разной степени. Самые значительные изменения затрагивают в первую очередь имя существительное. Грамматические особенности прилагательных, местоимений, глаголов менее подвержены влиянию чужого языка. Фактором, способствующим появлению инноваций, изменений в речи болгарской диаспоры, является фактор слабости языкового участка.

На универсально слабых участках первыми исчезают слова, наделенные чисто грамматическими функциями — союзы, предлоги, местоимения, артикли [15: 42]. В результате интерференции первыми распадаются исторически наиболее поздно сформировавшиеся категории, каковой, например, является артикль в болгарском языке — одна из отличительных черт болгарского языка на фоне других славянских.

Материалы исследования подтверждают предположение Р. Якобсона о том, что при ослаблении языковой системы первыми исчезают категории, наиболее поздно осваиваемые человеком. Если в восточнославянских языках наиболее слабым звеном в морфологической системе является склонение имен существительных [14: 85], то в болгарском языке таким звеном оказывается артикль, что объясняется, на наш взгляд, молодостью этой граммы. Первым шагом десемантизации местоимения-артикля в исследуемых болгарских говорах была утрата им пространственной ориентации.

Что означает «чувство артикля», то чутье, то интуитивное овладение техникой его употребления, которую не могут освоить носители безартиклевых языков? Грамматисты не раз отмечали вариативность, «парадоксальную свободу» [13: 147] болгарского артикля, которую не всегда можно объяснить. В ряде случаев субъективность является решающим фактором при выборе артикля, и эта «свобода выбора» ограничена не только системой языка, но и соответствующей моделью мира: «Ориентированность на модель мира, очевидно, и является наиболее сильным организующим началом, подчиняющим своей логике и семантике распределение артиклей в тексте» [13: 149].

Как известно, при картографировании действительности только часть аспектов опыта, часть мыслительных образований в данном языке грамматизируется, образуя систему соподчиненных грамматических понятий, обязательно участвующих в процессе синтеза высказывания. Артикль — важное средство актуализации препозиции, превращения объективного содержания предложения в высказывание. Вместе с порядком слов и интонацией он является одним из маркеров темы, в отличие от ремы — новой информации. Прагматическая сущность употребления артикля обусловлена отношением между говорящим и слушающим, их знаниями о предмете разговора, физическим и вербальным контекстом разговора.

При построении предложения говорящий на болгарском языке обязательно должен сделать выбор между определенностью/неопределенностью субъекта и объекта. Эти аспекты опыта, обязательно фиксируемые в грамматическом строе болгарского языка, полностью игнорируются грамматически русским и украинским языком — осмысление и актуализация данных аспектов опыта являются необязательными (хотя при необходимости определенность/неопределенность может эксплицироваться с помощью тех или иных средств). Такими же необязательными они становятся и в исследуемых говорах, которые подверглись интерференции на всех уровнях, что нео-

днократно было предметом анализа многих языковедов. Эта интерференция проявляется в нестабильности употребления артиклевых форм в болгарских переселенческих говорах под влиянием восточнославянских безартиклевых языков. Имена существительные, как правило, употребляются без артикля в заимствованных, калькированных словосочетаниях. Артикль употребляется непоследовательно, если тема разговора выходит за рамки обыденного общения (выступления на собраниях, например).

В речи среднего и младшего поколения (особенно в речи школьников и студентов) артикль употребляется, как отметил один из исследователей детской речи в Болгарии, «налево и направо, без каких-либо указаний на то, к чему он относится», в надежде, что и так их поймут [8: 105]. Не случайно этот процесс отмечен прежде всего в Ольшанке, находящейся в инославянской безартиклевой языковой среде, вдали от районов компактного проживания. Кроме того, в некоторых говорах формы множественного числа с артиклем — *t'a* совпадают с формами собирательных существительных и поэтому воспринимаются носителями говора как собирательные (*киткит'a*, *л'абуфт'a*, *сватуфт'a*). Впервые это явление отметил известный болгарский диалектолог Ст. Стойков, исследуя твардичанский говор, указав при этом только одно существительное — *мъжету*: «Членная форма *мъжету* от *мъже*, которая воспринимается как форма собирательная» [9: 22].

Членные формы существительных среднего рода во множественном числе вследствие стяжения также имеют только одно *-та*: *куч'аата*, *пил'e-ата*, *шил'уута* и т.п. (срв. болг. лит.: *кучетата*, *пилетата*, *шилетата*).

Как известно, кроме дейктической и анафорической функции, артикль в болгарском языке выполняет также генерическую или обобщающую функцию (*Котката е домашно животно. Желязото е метал*). Как предполагают некоторые болгарские исследователи, это, вероятно, новая функция артикля в болгарском языке, поскольку она не характерна для диалектной речи, что подтверждают и материалы нашего исследования.

Не свойственна исследуемым говорам и количественная определенность. Это значение выражается местоимением *всички* (диал. *сичкити*, *синкити*), что свидетельствует о повышении сигнификативной роли лексики как различительного средства в общей информации предложения.

Артикль в переселенческих болгарских говорах не обнаруживает тенденции к дальнейшему развитию. Он представлен в болгарских говорах диаспоры в застывшей, клишированной форме и, на наш взгляд, свидетельствует о процессах, ведущих к его разрушению. Фактором, способствующим этому разрушению, является, несомненно, функционирование болгарских говоров диаспоры в небалканской безартиклевой среде, в результате чего и возникают инновации в языковом мышлении.

В тех случаях, где не может употребляться артикль — при личных и дейктических местоименных формах, именах собственных, названиях род-

ственников и т.п. — появляется в болгарском языке снова местоименный маркер, называемый в лингвистической литературе дублированным дополнением, удвоением, редупликацией, грамматической репризой. Удвоенная форма выражения прямых и непрямых (дативных) дополнений с помощью существительных имен и местоимений или при помощи двух местоимений — полного и краткого (типа — *Ивана го викам. Него го няма!* — характерная особенность болгарского языка. Таким образом происходит дублирование информации, так как эти формы содержат имплицитную определенность.

По мнению балканистов, зоной активного проявления этого явления является юго-восточная часть Балканского полуострова, где в большей степени были сосредоточены контакты славян с греками и албанцами. В определенный период там появилось и туркоязычное население, и хотя турецкий язык не удваивает дополнение, в нем издавна известна редупликация как креативная процедура — удваиваются все части речи для достижения более точного определения объекта или для выражения более высокой степени признака [6: 128-133].

Дублирование полных и кратких местоименных форм в болгарском языке зависит от условий текста, т.е. оно синтаксически и семантически обусловлено. В исследуемых говорах удвоенное дополнение воспринимается как одна словоформа: *Васва убичьт. Насни викат*. В литературном болгарском языке полная форма местоимения или имя существительное находятся перед краткой. В исследуемых болгарских говорах полная форма местоимения зачастую находится в конце предложения, после краткой и даже не рядом с ней, что, вероятно, говорит о том, что в некоторых конструкциях носители говора не воспринимают эти формы как краткие формы местоимений, поэтому и дублируют их полными: *Той да н'е му й аргатин на н'егу. Три д'ена ишта н'ама т'еб'а (=Три дена ще те няма)*.

В последнее время к грамматическим балканизмам относят также адмиратив и пересказ. Обе категории возникли на основе старого перфекта — старая глагольная система постепенно приспосабливалась к грамматикализации ранее не формализованных аспектов опыта. Существует ряд гипотез, объясняющих происхождение указанных модальных категорий: 1. Указанная система модальных категорий болгарского глагола возникла под влиянием внутренних «самобытных» законов развития болгарского глагола еще в древнеболгарский или ранний среднеболгарский (XII-XIII ст.) период; 2. Данная система обязана своим происхождением болгаро-тюркским ранним контактам, связанным с воздействием со стороны тюркского протоболгарского племени Аспаруха и других тюркских диалектов (гуннов, авар, куманов, печенегов и др.) на Балканском полуострове, или более поздним, имевшим место в период владычества османской империи на Балканах; 3. Категория пересказывания и адмиратив в балканских языках являются результатом экспликации в языковом коде балканской модели мира, в частности ха-

ракторной для нее оппозиции внутренней/внешней. Ни одна из этих гипотез сама по себе не имеет доказательной силы. Так, Е.И. Демина пересказ относит к числу балканизмов, учитывая при этом и роль тюркского (турецкого) влияния [3: 290]. Св. Иванчев, не отрицая возможности турецкого влияния как катализатора, объясняет появление пересказывательных форм явлением синтаксической конденсации: *Той казва, че Иван е чел книга — Иван е чел книга — Иван чел книга*. Но это не объясняет причины создания принципиально новой системы модальных оппозиций, которая обязательно должна учитываться в акте сегментации внеязыковой действительности и синтеза любого высказывания на болгарском языке, «которая существенно сказалась на самой языковой модели мира и языковом менталитете носителей болгарского языка» [3: 291].

Что же явилось причиной столь бурного развития болгарской глагольной системы? По мнению Е.И. Деминой, пересказ в болгарском языке возник в результате своего рода грамматического кодифицирования ранее неизвестного балканославянским языкам способа семантического членения внеязыковой действительности, начальным толчком к возникновению которого могло послужить тюркское влияние: «Представляется очевидным, что причиной этого могло явиться только изменение самого способа семантического «картирования» действительности, потребовавшего определенных сдвигов и на уровне языкового мышления» [3: 293]. В этом смысле только на первый взгляд кажется «наивным» утверждение Й. Трифонова: «Едва ли можно сомневаться в том, что на создании специального способа выражения данного различия отразился наш народный характер. Мы настолько осторожны, что через саму речь («говор») стремимся подчеркнуть на каждом шагу что мы видели своими глазами и о чем только слышали от других людей» [10: 169]. По-видимому именно потребность говорящего разграничивать оценки своей позиции по отношению к сообщаемому, связанный с этим особый менталитет, и могли явиться причиной, вызвавшей к жизни новые модальные категории болгарского глагола, закрепленные в соответствующим образом организованной системе грамматических единиц. Это одно из проявлений балканистических процессов, генезис которых разумно искать во всей сложной ситуации многовековых языковых контактов на Балканском полуострове, а не только непосредственно в болгаро-турецком билингвизме.

Характерные черты современной балканистики, по мнению Т. Цивьян, в том, «что она вольно или невольно стремится перейти границы **только** лингвистики, **только** фольклора или литературы и т.п. и, во-вторых, то, что ослабляется интерес к созданию глобальных схем. Возникает напряженное внимание к иным проблемам, тем, которые описывают **самое балканскую ситуацию** (кратко формулируемую как единство противоположностей или монтаж уникального из неуникальных элементов) и отсылает к еще более

глубокому слою, охватывающему духовную жизнь Балкан — к проблеме коммуникации в рамках *я/другой.*» [[13: 3-4]. Для того, чтобы удержаться, укорениться на своем месте и не быть унесенным потоком *иного*, homo balkanicus должен был выработать особое ощущение понятия своего я и прежде всего своего языка, который становится почти осязаемой субстанцией, материальным воплощением национальной сущности, той непреходящей и абсолютной собственностью, которое и есть осуществление и самое сильное выражение своего я [13: 97].

Это ощущение пространства, своего балканского я теряется в речи среднего и младшего, уже русскоговорящего, болгарского населения Юга Украины. Сохранились в исследуемых говорах лишь некоторые формы пересказа в застывшей, клишированной форме.

На материале болгарских переселенческих говоров, как нам представляется, может быть смоделирована балканская ситуация языковых контактов, которая привела к типологическому сближению, носящему системный характер. Переселенческие болгарские говоры юга Украины, находясь в небалканском безартиклевом языковом окружении, изменяют, трансформируют свою грамматическую структуру, что обусловлено инновациями на уровне языкового мышления и способствует их нивелированию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асенова П. Балканско езикознание. Основни проблеми на Балканския езиков съюз. — София, 1989.
2. Георгиев В. К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Вып.6. Языковые контакты. — М., 1972. — С.398-418.
3. Демина Е. И. Размышления над явлением языковой интерференции на грамматическом уровне // Традиция и съвременност в българския език. — София, 2001. — С.287-296.
4. Иванчев Св. Българският език — класически и екзотичен. — С., 1988
5. Колесник В.А. Тенденции употребления артикля в болгарских говорах Юга Украины // Слов'янський збірник. — Одеса, 2002. — Вип 1Х. — С.192-202.
6. Лашкова Л. Основни балкански трансформации на славянските граматични модели и средства в българския език. // Общност и многообразие на славянските езици. С., 1997. — С.128-133.
7. Минчева А. Старобългарският език в светлината на балканистиката. — София, 1989.
8. Стоянова Ю. Върху онтогенезата на категорията «определеност» в съвременния български книжовен език // Едно поколение български езиковеди. — София, 2000. — С.99-107.
9. Стойков Ст. Говор села Твардицы (Сливенской околии в Болгарии) и села

Твардицы (Молдавской ССР) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. — М., 1954. — Вып.8. — С. 3-63.

10. Трифонов Й. Към историята на членните форми в български език. — София, 1931.

11. Трубецкой Н.С. Установление и разграничение специальных терминов. Какое точный перевод специальных терминов на разные языки (франц., англ., нем.) // Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. — С.29-30.

12. Харалампиев И. Развойни процеси в съвременния български език // Българистични проучвания. — Велико-Търново, 2002. — Вып.8 — С.16-29.

13. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. — М., 1990.

14. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография (Отв. ред. Земская Е.А.). — М., Вена, 2001.

15. Якобсон Р. Язык и бессознательное: Сб. статей — М., 1996.